

ЭДВАРД

РАДЗИНСКИЙ

МОЦАРТ

Загадка смерти
гения

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ БИОГРАФИИ

Эксклюзивные биографии

Эдвард Радзинский

Моцарт. Загадка смерти гения

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Радзинский Э. С.

Моцарт. Загадка смерти гения / Э. С. Радзинский —
«Издательство АСТ», 2023 — (Эксклюзивные биографии)

ISBN 978-5-17-158357-6

Гениальный композитор и дитя Галантного века. То был век салонов, где правили утонченные женщины, век авантюристов и неутомимых сердцедавов, век до сих пор не раскрытых тайн. Одна из них - судьба гения, который потряс современников и до сих пор занимает умы потомков. В книге Эдварда Радзинского - смелые авторские версии, оригинальные трактовки исторических событий. Занавес над тайнами приподнят... В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-311.6Радзинский Э.С.

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158357-6

© Радзинский Э. С., 2023

© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Несколько встреч с покойным господином Моцартом	6
Дневник барона Готфрида ван Свитена	6
Из дневника. 5 декабря 1791 года	8
Из дневника. 1781–1782 годы. (Записано в Зальцбурге)	11
Из дневника. 1781–1782 годы (Записано в Зальцбурге)	14
Из дневника. 1781–1782 годы	18
Из дневника. 1781–1782 годы	19
Из дневника. 1781–1782 годы	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эдвард Станиславович Радзинский
Моцарт. Несколько встреч с
покойным господином Моцартом

© Э. Радзинский, 2023

© ООО Издательство АСТ, 2023

Несколько встреч с покойным господином Моцартом

Дневник барона Готфрида ван Свитена

Из письма ко мне пианиста К.

«Я никогда не верил, что Сальери отравил Моцарта. Люди искусства склонны к завышенной самооценке... Если попросить любого из нас чистосердечно ответить на вопрос: “Кто самый-самый?” – почти каждый ответит: “Я!”

Сальери был такой же эгоцентрик, как все мы. Тем более что, в отличие от нас, он имел все основания считать себя первым. Его превосходство было закреплено уже в его титуле: Первый Капельмейстер империи... Его обожали – и публика, и двор. Его признала Европа. Его опера “Тарар” шла при переполненных залах. А поставленный следом моцартовский “Дон Жуан” – провалился. И т. д. Неужели этот самовлюбленный музыкант, да к тому же итальянец... и музыка тогда считалась профессией итальянцев... мог признать первым какого-то неудачника и к тому же немца – Моцарта?.. Да еще настолько позавидовать ему – что отравить? Слухи об отравлении были после смерти Моцарта. Но только безумец мог их связывать с Сальери! Недаром сын Моцарта после смерти отца стал учеником Сальери.

Вы скажете: “Но, говорят, через четверть века после смерти Моцарта сам Сальери признался священнику, что отравил Моцарта. После чего сошел с ума. И попытался перерезать себе горло”.

Если даже поверить в эти слухи, то все происходило совершенно наоборот: Сальери сначала сошел с ума, а потом уже объявил, что отравил Моцарта. Позвольте процитировать то, что писала тогда венская газета: «Нашему многоуважаемому Сальери никак не удастся умереть. Его тело подвержено всем старческим слабостям. Разум покинул его. Говорят, даже в бреду больного воображения он винит себя в преждевременной смерти Моцарта. В этот вымысел не верит никто, кроме самого больного старика...» Кстати, в разговорных тетрадях Бетховена записано обо всем этом: “Пустая болтовня”...

Но в биографии Моцарта был очень странный поворот. Некое стремительное, таинственное падение его карьеры. В 1785 году публика его обожает, и вдруг... все от него отворачиваются... Это был век коварных интриг. Вспомним сюжет “Свадьбы Фигаро”.

Так что вы поймете, что я почувствовал, когда нашел эту рукопись...»

Все началось в старой московской квартире. Было за полночь, когда старик К. – знаменитый пианист, друг Шостаковича и ученик Прокофьева – сел к роялю.

– Сейчас без четверти час, 5 декабря. Именно в это время 5 декабря 1791 года в Вене умер Моцарт. Я всегда отмечаю эту дату.

Но он не заиграл. Он молча сидел за роялем, потом сказал:

– Одна из таких годовщин стоила мне нескольких лет жизни.

Естественно, посыпались вопросы.

– Пожилые люди еще помнят, – начал К., – те удивительные времена, когда в Ленинграде за гроши можно было купить фантастические ценности, награбленные в дни революции из петербургских дворцов. Именно так я приобрел в обычном букинистическом магазине две большие тетради в великолепных обложках красного сафьяна с пожелтевшей от времени бумагой, исписанной бисерным почерком. Рукопись была на немецком. Ее заглавие могло свести с ума любого почитателя Моцарта: «Подлинные размышления барона Готфрида Бернхарда ван Свитена»... Да, да, того самого барона ван Свитена!

Это была загадочная рукопись! В ней было множество фактических ошибок. И в то же время с совершеннейшей точностью цитировались бесчисленные письма Моцарта... Причем и те, которые опубликованы только нынче, только совсем недавно... Я мог часами говорить об этой рукописи, и я рассказывал тогда о ней многим... Но, видимо, слишком многим.

Вскоре я был арестован по совершенно невероятному обвинению... Причем взяли меня знаменательной ночью 5 декабря! Возможно, это был чей-то висельный юмор. Вместе со мной забрали и рукопись... Сразу после смерти Сталина меня освободили... Но рукопись исчезла!.. Мне сказали, что, скорее всего, ее забрал сам Берия... Он был страстный любитель подобных вещей... Возможно, она и была истинной причиной моего ареста... Я много ходил по инстанциям, писал письма – тщетно. И теперь, когда я совсем отчаялся, я дерзнул... Я пытаюсь по памяти восстанавливать текст... И, клянусь, «тень исчезнувшего начинает являться из-под жалкого пера».

Уже уходя, К. обещал показать мне «результаты дерзкой самонадеянности»... Он знал, что я давно пишу книгу о Моцарте.

К. умер через год, и – пусть это не покажется вымыслом – умер 5 декабря 1989 года. И вскоре его вдова переслала мне запечатанный конверт, на котором рукой К. была написана моя фамилия. В конверте была небольшая рукопись с неуклюжим названием «Моцарт – каким он был». В рукопись была вложена биографическая справка, написанная от руки: «Барон Готфрид ван Свитен (род. в 1734 г. в Голландии). Впоследствии переехал с отцом в Вену. Отец – лейб-медик при дворе Марии Терезии – имел огромное влияние на императрицу. Готфрид стал дипломатом, он был послом при многих европейских дворах. Но прославился не только на дипломатическом поприще. Он был великим знатоком музыки. И даже пытался сам сочинять. Автор двенадцати плохих симфоний. Был другом и покровителем Моцарта. На его деньги Моцарт и был похоронен в могиле для бедных на кладбище Санкт-Маркс».

Далее шел текст, дурно отпечатанный на машинке:

«Я, барон Готфрид Бернхард ван Свитен, закончил эту рукопись 5 декабря 1801 года, через десять лет после смерти Вольфганга Амадея Моцарта, императорского придворного композитора, счастливо развившего свой природный талант и достигшего величайшего мастерства в музыке.

Привожу здесь отрывки из моего дневника с моими размышлениями о событиях, коим я был свидетель».

Из дневника. 5 декабря 1791 года

Всю сегодняшнюю ночь я спал. Ночью скончался Моцарт. Его жена Констанца послала за мной служанку, и в три часа пополудни я приехал в его дом на Раухен-штейнгассе в малом доме Кайзера, номер 970. Это была его последняя квартира. Хочу отметить – за свою жизнь в Вене господин Моцарт одиннадцать раз менял жилье.

Моцарт лежал на кровати, я постоял над ним. Его маленькое, столь подвижное тело наконец-то успокоилось. Изящные руки, которыми он вечно что-нибудь вертел – трость, цепочку от часов, – неподвижны. Густые светлые волосы... единственное, что было красивого в его внешности... освободились от парика. Глаза закрыты, эти блеклые, водянистые глаза... которые загорались восхитительным огнем, когда сей маленький человечек садился к роялю. У него странные уши – без мочек. Широкий лоб покато уходит назад, еще более заострившийся после смерти нос продолжает линию лба, отделяясь лишь небольшим углублением...

Птица, птица... Слабо развитый подбородок закрыт повязкой. Рядом на столике – только что снятая с умершего гипсовая маска... Ее снял мой друг граф Деим – владелец галереи восковых фигур... Он, видимо, надумал сделать фигуру Моцарта для своей коллекции.

Вскоре из соседней комнаты появилась госпожа Констанца Моцарт. О, этот мир и вправду театр... Господин Моцарт, столь любивший театр, был бы доволен разыгранной нами сценой. Привожу ее целиком:

Констанца. Я не хочу жить! Он умер! Он умер!

Я. Дорогая госпожа Моцарт... Вы должны жить, у вас двое детей.

Констанца. Я лягу в его постель, я хочу заразиться его болезнью.

(Добавляю, что врачи определили у Моцарта острую просовидную горячку. Болезнь, опасную для окружающих.)

Констанца. А!!! (Рыдает.)

Она безумствовала, доказывая свою скорбь и отчаяние, надеюсь, они были искренни. Я, как и следовало, ее успокаивал. Впрочем, уже вскоре несчастная женщина заговорила о главном в ее нынешнем положении.

Констанца. Он так страдал, что оставляет нас без гроша... Если продать все, что в доме, мы не покроем и части ужасных долгов. Мне даже не на что хоронить его.

Я. Это очень серьезный вопрос, госпожа Моцарт. Мы непременно его обсудим, но сначала успокойтесь и расскажите подробно, как он ушел от нас.

Констанца. Он пролежал в постели две недели. В последнее время из-за отеков ему было трудно поворачиваться. И я сшила сорочку, которую он смог надевать спереди. Но он не капризничал, никого не беспокоил. Наоборот, старался быть весел, хотя тяжело страдал. Только за два дня до смерти он попросил унести из комнаты свою любимую канарейку, он уже не мог выносить даже звука ее пения... Вчерашней ночью ему стало так плохо... я подумала – умрет, но он пережил ночь. Утром попросил дать ему в постель партитуру Реквиема... Его навестили музыканты. Он попросил их исполнить Реквием. И сам напевал арию альты. Его нежный тенор... Еще вчера в это время я слышала его голос...

Я. Держитесь, госпожа Моцарт.

Констанца. У него не было сил, он отложил партитуру и начал плакать. Проклятый Реквием! Его убил Реквием... Я все время вижу тот жаркий день... Вечером кто-то позвонил... Когда я вышла в прихожую...

Я. Вы забыли, несчастная женщина. Все это вы мне уже рассказывали, и не так давно. Вернемся к кончине вашего незабвенного супруга.

Констанца. Потом пришла моя сестра Зофи. Я ей сказала: «Слава Богу, ты пришла. Ночью ему было так плохо. Если сегодня будет так же – он умрет». И Моцарт ей тоже обрадовался: «Милая Зофи! Как хорошо, что вы пришли. Сегодня я умру, и вы сможете помочь во всех заботах моей бедной Штанци...» Потом он попросил положить ему в кровать часы. В театре в тот вечер давали «Волшебную флейту». И он глядел на часы и все представлял, что показывают на сцене... Потом он стал говорить со своим учеником господином Зюсмайером о Реквиеме. Он объяснил ему, как надо завершить Реквием после его смерти. Он все боялся, что заказчик потребует с нас обратно деньги... Потом Зофи сказала, будто идет предупредить мать, что ночью останется у нас... На самом деле я велела ей пойти в собор за священником... Попросить его зайти к нам, как бы случайно. Священник пришел и приготовил его к смерти... Потом стало ему совсем плохо. Доктор Клоссе велел отворить ему кровь. И наложил компресс. После этого Моцарт потерял сознание и уже в себя не приходил... Он все раздувал щеки, видимо подражал литаврам. Без памяти, он продолжал сочинять. Он знал, как мы бедны, и все хотел для нас заработать... Потом я отошла к новорожденному.

(Добавлю: в июле у госпожи Моцарт родился сын. Кажется, у нее было семеро детей, из которых в живых осталось двое.)

Констанца. Зофи рассказала: примерно в полночь Моцарт приподнялся на постели. Он смотрел неотрывно. Видимо, перед ним было какое-то удивительное видение. Потом он снова улегся на постель, отвернул голову к стене и задремал. Зофи окликнула его, он не ответил. Он умер.

Я. Когда это случилось?

Констанца. Зофи тотчас взглянула на часы... Было без пяти час пополудни.

Она рассказывала все это, по-прежнему визгливо рыдая. Но, рыдая, она следила за мной. Она ждала. Эта несчастная женщина и в скорби своей не могла не думать о насущных заботах. Я пожалел ее и начал сам:

– Я знаю, дорогая госпожа Моцарт, вам не на что хоронить возлюбленного супруга. Я непременно помогу...

Констанца. Бог воздаст вам...

Я. Но, поборов в сердце скорбь, постараемся остаться разумными. Вы совсем молодая женщина, вам не часто приходилось иметь дело с такими печальными обстоятельствами. Позвольте объяснить. После эпидемии чумы наш справедливейший монарх издал строгий закон о похоронах. Похороны имеют четыре разряда: люди знатные, богатые, хоронят своих умерших в отдельных могилах, ставят пышные памятники. Это похороны по первому разряду. Люди нищие обходятся без гробов и хоронят тела в общих могилах. Это похороны по четвертому разряду.

Констанца. Вы... Вы предлагаете...

Я. О нет! То и другое – недопустимые крайности. Я предлагаю нечто среднее. Похоронить незабвенного супруга вашего не как нищего и не как богатого. Но как просто бедного человека... что, как мы знаем, соответствует действительности. Это похороны по третьему разряду: то есть в отдельном гробу, но в общей могиле... Это обойдется всего в восемь флоринов и пятьдесят шесть крейцеров... Добавим три флорина за погребальные дроги... Я охотно передам вам эту сумму.

Констанца. Боже мой... когда у него умер скворец... он похоронил его торжественно... в нашем саду. И похороны скворца обошлись нам в ту же сумму!

Я. Не торопитесь отказываться, госпожа Моцарт. Не только природная бережливость заставляет меня предлагать вам это. Такие похороны привлекут к вам всеобщее сочувствие. Мне будет намного проще добиться для вас пенсии у императора. И ваши кредиторы немедля отстанут от вас. Они поймут, что получить от вас нечего.

Констанца. В общей могиле!.. В общей могиле...

Я. Он был хорошим христианином, то есть скромным человеком. Он одобрил бы такие похороны...

Констанца. **Да... Да...**

Я. Сейчас постарайтесь подкрепить себя сном, завтра вам понадобятся силы. А я займусь его бумагами.

Так завершилась сцена. После чего она передала мне ключ от бюро французской работы, где лежали его письма и многочисленные партитуры.

И вот тогда я спросил ее о главном: о Реквиеме... Она ответила, что он не совсем закончен... И показала на его пюпитр. На пюпитре я обнаружил листы с его указаниями господину Зюсмайеру, как ему закончить Реквием. Сама же партитура... драгоценная партитура... была разбросана на креслах недалеко от его кровати. Я начал лихорадочно собирать листы и поймал ее взгляд: она была изумлена моим волнением. Я взял себя в руки...

Наконец она ушла. Я остался наедине с ним. С его бумагами. И Реквиемом. 626 – стояла цифра на Реквиеме. Шестьсот двадцать шесть сочинений написал этот человек, чьи дорогие камзолы, которыми он украшал свое жалкое тело, сейчас разбросаны по комнате. Завтра их продадут со всеми вещами, чтобы выручить деньги для вдовы и сирот.

Его прах также исчезнет... Эти могилы для бедняков очищаются каждые семь лет – освобождаются для новых постояльцев. От его земного существования останутся лишь несколько непохожих портретов и эта маска... Одна, хранящая его земной облик. И стоит разбить ее – останется то, что должно от него остаться: только звуки! И это я... я предпринял столь многое, чтобы звуки, рожденные этим жалким человеком, стали воистину божественными. И никто, даже он сам, не подозревал об этом.

Вот о чем я думал, роясь в его бумагах в ту страшную ночь.

И тогда я услышал его голос. Клянусь, отчетливо звучал столь знакомый тонкий голос... этот нежный-нежный тенор. Я обернулся. Моцарт, конечно же, неподвижно лежал на кровати... Но голос... Голос звучал... И в неверном свете канделябра его камзол и парик, валявшиеся на клавишине, показались мне музыкантом, в отчаянии упавшим головой на клавиши... Я заставил себя продолжать разбирать бумаги. Это были его письма. Вся его переписка с отцом... Вся его жизнь – в этих письмах. И тут я все понял! Да! Да! Это письма. Я читал его письма – оттого я слышал его голос... Все дело в моем безукоризненном слухе! Все услышанные звуки вечны в моей памяти. И письма рождали голоса... Вот густой бас старого Моцарта. Ну, конечно! А это тенор самого Моцарта... И опять звучит старик Моцарт... Я хорошо его знал. Во время поездок в тихий Зальцбург к моему другу архиепископу я неизменно встречался с Леопольдом Моцартом. Он был отличный музыкант – придворный композитор зальцбургского архиепископа. И мы подолгу беседовали с господином Леопольдом о его сыне. И вот сейчас в воспаленном моем мозгу звучали наши беседы. Кстати, вспомнил! Старый Моцарт говорил мне: когда он читает письма своего мальчика, он тоже всегда слышит его голос... Клянусь, это была волшебная ночь, самая волшебная в моей жизни.

Утро. Вернулся домой, с любопытством отыскал в дневнике все записи бесед со старым Моцартом. Особенно примечательны показались две беседы. Привожу их с сокращениями.

Из дневника. 1781–1782 годы. (Записано в Зальцбурге)

Леопольд Моцарт. Ему было четыре года, барон, когда я понял: он сочиняет музыку... Однажды я застал его с пером... «Что ты делаешь?» И четырехлетний ребенок ответил: «Я сочиняю концерт для клавира...» Я расхохотался... Это была пачкотня из клякс, поверх которых были написаны ноты... По детскому неразумению он макал перо в чернильницу до дна. И как только подносил перо к бумаге – падала клякса. И тогда он решительно размазывал ее и уже по ней писал музыку. Но когда я рассмотрел этот узор из клякс, я понял: ноты четырехлетнего мальчика составили сложнейшую музыку. Из глаз моих полились слезы – я возблагодарил Творца. И сказал себе: ты должен посвятить жизнь этому Божьему чуду... Он и вправду был Божье чудо. Все ему легко давалось, и всем он готов был пылко увлекаться. Это главная его черта.

Я. Но пылкость способна увлечь на ложный путь.

Леопольд. Именно, барон. Если бы не строгое воспитание. Я рано научил его упорно и систематически трудиться, обуздывать свою пылкость. И я заставлял его быть скромным, несмотря на все его великие ранние успехи. В детстве он плакал, когда его чересчур хвалили. В семь лет он был уже автором нескольких музыкальных сочинений. Тогда я решил представить его миру. Я взял дозволение у нашего доброго архиепископа, и мы втроем: крошечный Вольфганг, моя дочь и я – отправились по Европе. Две недели мы провели в императорском дворце в Шёнбрунне. Добрейшая императрица Мария Терезия, восхищенная игрой моего мальчика, подарила ему костюм маленького эрцгерцога.

(Добавлю от себя: это был старый, поношенный камзол.)

Леопольд. Мой маленький Моцарт был в нем так забавен: игрушечный человечек в напудренном парике и в красном камзоле со шпагой. Он играл на скрипке, на клавире, который закрывали платком, и на органе. Играл, пока этого хотела публика. Концерты длились по четыре часа. И он часто болел. Я иногда думаю: может быть, поэтому он так плохо рос? Но это был единственный путь. Я не хотел, чтобы он повторил мою жалкую судьбу... Но уже во время этого путешествия я понял, барон, как он опасно пылок. В семь лет он умудрился страстно влюбиться. И в кого бы вы думали? В Марию Антуанетту, нынешнюю королеву французов.

Я. Браво!

Леопольд. Она была прелестной девочкой, чуть постарше Моцарта. И что придумал маленький негодяй? После очередного концерта, награжденный аплодисментами, он вышел из зала и, увидев очаровательную Марию Антуанетту, нарочно грохнулся на паркете. Девочка тотчас бросается к нему, поднимает. И он, будто в благодарность, осыпает ее поцелуями. И тотчас объявляет, что непременно женится на ней – опять же в благодарность за помощь. Но я разгадал его хитрость, заставил покаяться и пребольно выпорол... А потом был триумф в Париже...

В Париже я велел награвировать четыре его сонаты. И это в возрасте восьми лет... Как сейчас вижу: он стоит у королевского стола, и королева передает ему лакомые кусочки. Но больше всего ему понравились королевские дочери. Они охотно его целовали. В восемь лет он обожал, когда его целовали женщины. И когда всесильная мадам Помпадур – высокая, видная блондинка – не захотела его поцеловать, он с возмущением воскликнул: «Да кто она такая?! И как она смеет не захотеть меня целовать, если меня целовала сама королева?!» И мне опять пришлось его выпороть – за дерзость... и пылкость. Когда мы вернулись в Зальцбург, покориw Европу, архиепископ запер его в своем дворце и предложил ему написать музыку к первой части оратории «Долг Первой заповеди». Он не верил, что мой мальчик все сочиняет сам... Мальчик начал сочинять... Он произнес слова Первой заповеди: «И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем... и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всей крепостью твоею»,

и понял, что Он с ним... Вольфганг блестяще справился с заданием... Я воспитывал его в бес-
предельной любви к Творцу, и это много раз спасало и еще спасет его... Когда ему было двена-
дцать лет, наш новый монарх – император Йозеф – заказал ему оперу... Мальчик был счастлив:
опера – это вершина музыкального искусства! И он написал ее... Но премьеры не случилось.
Он рыдал! Он не мог понять, что произошло. Так в двенадцать лет он столкнулся впервые с
человеческой завистью. Господа музыканты испугались конкурента. Невидимая «музыкальная
преисподняя» распространила о его опере зловерные слухи. И великий Глюк, имевший такое
влияние на императора, не захотел даже взглянуть на партитуру и объявил издевательством
саму идею заказывать оперу мальчику... Мальчику?! Да он в семь лет умел делать то, что дру-
гие композиторы – заканчивая жизнь! Я часто ему объяснял: «Полагайся только на Бога! Все
люди – сволочи! Чем старше станешь – тем яснее это будет для тебя!»

(Добавлю: он рано научил мальчика видеть всегда и во всем интриги.)

Леопольд. Но все эти поездки по Европе были лишь подготовкой к одной великой
поездке. Именно! Италия! Земля обетованная музыки! Если немецкий музыкант хочет занять
должность при дворе, он должен получить признание в Италии. И мы поехали. Уже в Ман-
туе газеты написали: «Этот мальчик затмит всех!» В Милане нам дали удобное пристанище в
монастыре. Была зима. У моего мальчика чувствительнейшее тело – и он был счастлив, когда
по возвращении с концерта находил нагретой постель. Это мелочи для другого, но они важны
для деликатных натур. В Милане послушать мальчика собралась вся знать Ломбардии. Были
исполнены три арии, сочиненные Вольфгангом. Одна потрясла даже меня. Эту большую арию
он написал на знаменитый текст великого Метастазиио «Несчастный мальчишка» (К. 77).

(Замечу: старик прав. Многие обращались к этому знаменитому тексту. Но никто нико-
гда... не достиг такой возвышенности. «Несчастный мальчишка»!

Неужели уже тогда он сам это почувствовал?.. Да, он так никогда и не стал взрослым.
Прежде я думал, что в этом виноват его отец, столь долго его опекавший. Теперь думаю иначе.
Это – его суть: с рождения до смерти он – несчастный мальчишка!)

Леопольд. Чтобы не томить вас, барон, я описываю лишь некоторые его триумфы...
Мы поспешили в Рим. Как вы знаете, на Страстной неделе в Сикстинской капелле исполняют
великое «Мизерере». Я помню, как мой мальчик пришел в капеллу. Нет, нет, он не заметил
восхитительных фресок Микеланджело. Он был весь в сладчайшей музыке. Когда мы вышли,
я сказал ему: «Под страхом отлучения от церкви никто не смеет вынести из капеллы парти-
туру «Мизерере», чтобы никто и нигде не смог исполнить эту вершину папской музыки». Мой
мальчик расхохотался. И, придя домой, без единой ошибки с одного прослушивания записал
всю партитуру.

(Добавлю: об этой истории много рассказывали в Риме. Я же отмечу: в одной из его квар-
тир в кабинете был великолепный потолок. Я спросил его: «Чья это живопись?» Он удивился,
он вообще ее не заметил.)

Леопольд. А потом в Риме ему вручили высший папский орден. К сожалению, он редко
надевал эти регалии: золотой крест, шпагу и шпоры. Он сказал: «Мне почему-то смешно». Он
всегда был очень смешлив.

Я. О да! Я это знаю.

Леопольд. Теперь он стал кавалер Моцарт. Рыцарь Моцарт. Только великий Глюк был
удостоен подобного. А потом мальчика избрали в Академию в Болонье.

Кто знал такое в пятнадцать лет! И тогда я заметил перемену. Он полюбил, чтобы им
восхищались... восхищались женщины!.. И я сказал: «Здесь твоя западня». Помню, молодая
госпожа де Асте позвала нас на чудные фрикадельки из печени и великолепную квашеную
капусту. Но он не восхитился этими яствами – его глаза неотрывно были устремлены на гос-
пожу де Асте. Мне пришлось опять сурово вмешаться.

А потом наш благодетель, старый архиепископ, умер...

(Добавлю: уже тогда меня увлек этот гениальный мальчик. Поток солнечного света... легкое, трепещущее. Как странно, что он не родился в Италии. Я наслаждался его искусством. Но исповедовал тогда иное. Будучи послом в Берлине, я познакомился с музыкой полузабытого тогда Иоганна Себастьяна Баха. С тех пор строгое искусство Баха и Генделя владело мной. И вот тогда мне стала приходить в голову дерзкая мысль: ввести солнечного мальчика в этот полузабытый мир. Какой удивительный цветок мог произрасти! И какое наслаждение ожидало нас, немногих жрецов истинной музыки! Но для понимания строгой музыки потребна строгая жизнь. Слишком много удач принесла ему судьба. Вот почему я весьма оживился, когда узнал, что новым архиепископом в Зальцбурге стал граф Иероним Колорадо. Я хорошо с ним знаком: непреклонная складка вокруг рта, надменный, неподвижный взгляд... И мне нетрудно было уже тогда вообразить, как они встретятся – избалованный славой юный гений и деспот. Сказка закончилась.)

Я никогда не верил, что Сальери отравил Моцарта.

Из письма пианиста К.

Из дневника. 1781–1782 годы (Записано в Зальцбурге)

Привожу с большими сокращениями окончание моей долгой беседы с отцом господина Моцарта.

Леопольд. Сначала мы были благодарны новому архиепископу: он положил мальчику больше жалованья, чем всем остальным. Но потом стал заставлять его – кавалера Моцарта – каждый день в форменной одежде вместе со слугами являться для приказаний. Нет, я понимаю, он хотел обуздать его юношескую спесь, хотел заставить считать себя благодетелем. Но...

(Добавлю от себя: именно тогда я услышал его соль-минорную симфонию... Эта тревога... дерзкие порывы... мимолетное просветление... И яростный взрыв мятежных сил в финале. О! Я понял тогда, что с ним происходит!)

Леопольд. Все кончилось прошением об отставке. И дело было не только в архиепископе. Я приучил Вольфганга к вечным путешествиям, и он не мог усидеть в нашем тихом Зальцбурге... Архиепископ не разрешил мне отправиться с мальчиком. Но я не мог отпустить его одного. Он поехал вместе с матерью. На прощание я дал ему письмо с главными советами: «Ты знаешь, как ты пылок, и как твоя горячность приводит тебя в волнение... о женщинах я не говорю, но запомни: здесь нужна величайшая сдержанность и весь твой разум. Ибо сама природа является нашей западней: кто не напрягает здесь рассудка, обречен на несчастье, которое кончается только со смертью».

Когда их карета отъехала, в ужасе от предчувствия я бросился на кровать и пролежал неподвижно до ночи. Вскоре я получил его первое письмо.

«Сердце мое преисполнено восторгом и восхищением. Мне так весело в этой карете, так тепло, и кучер наш поет и мчит во всю прыть».

И, читая, явственно услышал я его нежный голос и расплакался.

Все случилось, барон, как я предполагал... Это произошло уже в Мангейме. Сначала я почувствовал в его письмах некий излишний восторг. У него острый язык!

(Добавляю: и сколько он сделал ему врагов!)

Леопольд. Мальчик обожает гаерничать. К примеру, в Мюнхене ночью солдаты на каждом шагу воинственно окликают: «Кто идет?!» И он неизменно отвечает им в ответ: «Накось выкуси!...» А тут вдруг тон писем совсем переменялся. Одни восторги и описания бесконечных триумфов... Я написал ему, что одним триумфом сыт не будешь. И что пока никто не предложил ему никакой должности, а я оплачиваю бесконечные счета, которые ко мне приходят. В ответ я получил: «Как мне хочется написать оперу. Я завидую всем, кто пишет оперу. Хочется плакать с досады, когда я слышу какую-либо арию...» Да, да... все дело в том, что он влюбился в певицу! Я знавал эту гнусную семью Веберов. Отец служил жалким суфлером. Хищная, жадная жена и четверо дочерей. На беду маленького Моцарта, вторая дочь – пятнадцатилетняя Алоизия – была высокая, стройная красавица, возмечтавшая стать певицей... Узнав все это, я решил проверить, сколь опасно положение. Я написал ему письмо, будто один из его друзей, знаменитый молодой человек, вступил в выгодный брак. В ответ я немедленно получил просто поэму.

«Так жениться я не хотел бы. Я хочу сделать счастливой свою жену, а не составить с ее помощью свое счастье. Знатные люди не смеют жениться по любви. Зато мы, бедные и простые люди, можем взять в жены ту, кого любим...» И так далее...

Я все понял... После чего он завалил меня описаниями тягот «бедных Веберов»... А я?! Его отец?! Семеро детей! И двести жалких флоринов жалованья на протяжении всей жизни!

(Здесь он достал новый ворох писем... И в продолжение нашей беседы весьма часто читал выдержки из них. Он жаждал сочувствия!)

«Дочь господина Вебера обладает красивым голосом. Ей недостает только умения играть на сцене...»

Вы поняли, барон? Он решил ей помочь! Он помнил, как его принимали в Италии, и теперь захотел показаться ей во всем блеске! Он задумал общую поездку. С нею в Италию! А пока сочинял для нее арии... Нет, недаром говорят, глуп, как влюбленный! Его несчастная мать прислала мне письмо: «Ты знаешь, когда мальчик завязывает новое знакомство, он сразу готов отдать последнее... Пишу тебе в величайшей тайне, пока он ест... Придумай, что сделать».

Бедная жена! И я написал ему: «Дражайший сын! Твое предложение разъезжать с Вебером и его дочерью чуть не лишило меня рассудка. Как ты мог хотя бы на час обольстить себя столь отвратительной и явно внушенной тебе мыслью?! Мечтания, одни пустые мечтания!.. Как ты мог позабыть свою славу? Своих старых родителей?.. Нет, нет, я понимаю твоё желание помочь... Это ты унаследовал от своего отца! Но прежде всего ты должен помогать своим собственным родителям, иначе душа твоя попадет к черту в лапы! Прочь из Мангейма! Марш в Париж! И скорее! Слава из Парижа распространяется по всему свету! Поступай, как великие люди! Или Цезарь! Или ничто!»

И он подчинился. Тогда он еще помнил наш девиз: «За Богом сразу идет отец».

Он написал мне: «Умоляю, наилучший из отцов, не думайте обо мне ничего плохого... Есть люди, которые считают, что нельзя любить девушку, не имея при этом дурных намерений... Надеюсь, вы простите мне, если я в азарте любви в чем-то забыл меру».

Вот в этот момент мой мальчик ушел от меня! Он подчинился мне, но не простил. Бедняга, он, конечно, поехал в Париж с одной надеждой: вернуться к возлюбленной, но со славой!

(Замечу: все, что он испытал, – в его арии, написанной для Алоизии (К.294). Эта сладкая мука... и тревожное, тревожное предчувствие!)

Леопольд. Но, к сожалению, Париж успел его забыть. Нет, не зря я ненавидел этот город. Никакого заказа на оперу он там не получил. И с трудом перебивался жалкими уроками. Мой французский друг барон Гримм написал мне: «Чтобы здесь пробиться, необходимы проницательность, предприимчивость и подлость... Думая о его карьере, я пожелал бы ему иметь вдвое меньше таланта и вдвое больше ловкости...»

А потом как-то ночью пришел наш друг аббат Буллингер и положил передо мною письмо. Мой мальчик писал: «Дорогой аббат. В эти душные дни заболела моя мать... Я метался по раскаленному городу в поисках врача и лекарств... Она умерла у меня на руках. Сейчас ночь, и я пишу письмо отцу. Я пишу ему о матери как о живой... Я боюсь, что он догадается. И шучу. И снова возвращаюсь к ее болезни... Я пытаюсь его подготовить к худшему...»

Несчастный мальчик! Через неделю я получил его письмо: «Я пишу вам в два часа ночи. Нашей дорогой матери больше нет на свете. Она умерла, не приходя в сознание, она угасла, как свеча...»

Я звал его в Зальцбург. Архиепископ снова принял его на службу. Но он писал: «Я радуюсь встрече с вами, наилучший из отцов. И наперед обещаю себе приятнейшие, счастливые дни... Но, клянусь честью, я не могу терпеть Зальцбург и его обитателей! Для меня совершенно невыносима их скучнейшая жизнь».

Это означало: он поспешил из Парижа в Мангейм! Я умолял его уберечься от пустых мечтаний. Но он писал: «Совсем уберечься от мечтаний я не могу, да и вряд ли сыщется смертный, который никогда не мечтал. Но веселые мечты! Мечты сладостные и утешительные, мечты, которые, если б сбылись, сделали бы сносною мою жизнь... такую сейчас печальную...»

Но ничего! Вскоре он познал, что означают пустые мечтания! Эта тварь Алоизия пела в Мюнхене, где ею весьма интересовался баварский государь. И мальчик мой, к счастью, был ей теперь не нужен. И она сказала это ему прямо в лицо. О, он смог тогда понять, как всегда прав его отец!.. И у него хватило мужества пересказать мне в письме всю постыдную сцену.

«Я был ошеломлен. Но я не дал ей это заметить, наилучший из отцов. Я сел за клавири, стараясь перещеголять ее в легкомыслии, вдруг весело, тенорком запел: “Не задумываясь, я бросаю девушку, которой не мил! Ха-ха-ха...”»

Да, он бодрился, но... Совершенно потерянным он вернулся в добрый наш Зальцбург. Я постарался сделать все, чтобы ему было хорошо. В его комнату поставили удобный шкаф для многочисленного его платья, наша кухарка готовила его любимых каплунов. И я сквозь пальцы смотрел, как дочь моего младшего брата... кузиночка... попыталась его утешить.

Он писал ей очень смелые письма, которые негодница поощряла. И поначалу я с изумлением читал все его фривольности.

Но дальше смелых шуток он не пошел. Только потом я понял: он старался быть веселым и дерзким, но по-прежнему страдал. Страдал! И перенес свое отчаяние на наш тихий Зальцбург: он его возненавидел... К сожалению, досточтимый архиепископ на каждом шагу подчеркивал, что мой мальчик отнюдь не гениальный Моцарт, но лишь слуга, которого он приютил после неудач.

(Добавлю: это было счастьем для музыки. Разбитое сердце – так произрастает вечное.)

Леопольд. И во время его поездки с архиепископом в Вену, вдаль от меня, случилось то, что должно было случиться: мальчик опять подал прошение об отставке... Я отлично представлял, что будет, коли он станет жить один в Вене... Он – не подготовленный к мерзостям жизни, привыкший быть за моей спиной. Любая шлюшка может предстать пред ним в образе непорочной девы!.. Он слишком чист для этого подлого мира!.. Я потребовал, чтобы он взял назад свое прошение. Но он ответил мне: «Никогда! Вся Вена уже знает, что я ушел от архиепископа и от его оскорблений... И что же, теперь я должен превратить себя в собачье дерьмо?.. Вам в угод, батюшка, я готов жертвовать всем: своим счастьем...» Алоизия! Алоизия!.. «Здоровьем, жизнью, но моя честь! Она для меня... и, надеюсь, для вас, превыше всего! Требуйте чего угодно, но не этого! Одна эта мысль заставляет меня дрожать от ярости...»

О, я знал, что наш гордый архиепископ сумеет наказать его. Но я не знал, что это будет столь варварски.

Сначала он не удостоил мальчика ответом... Когда же мой сын явился в третий раз со своим прошением, его принял гофмейстер граф Арко. Он назвал Вольфганга хамом и негодяем, а потом пинком ноги... выбросил его из комнаты. Это было нетрудно. Он такой маленький... И вот его – кавалера ордена Золотой Шпоры, рыцаря, члена двух академий – пинком в задницу..., с лестницы.

Мальчик слег. Конечно, он клялся вернуть пинок графу, он писал мне всяческие глупости: «Да, я не граф, но в душе у меня больше, чем у любого графа... и если он оскорбил меня, он – собачье дерьмо!» И т. д. Конец письма меня страшно встревожил... Он писал: «Завтра отправляю письмо графу. Я совершенно спокойно разьясню ему, как подло он исполнил свое дело. Я обещаю ему встречу на улице... В людном месте он получит от меня пинок в жопу и пару оплеух вдобавок!..» Я умолял его не делать этого из любви ко мне. Это не только лишило бы меня работы, средств к существованию, но принесло бы мальчику новые унижения. Что мог поделаться он, маленький, щедедушный, против этих господ, окруженных слугами? К счастью, он так же страстно переживает обиды, как легко их забывает. Уверен, что на третий день пинок под зад испарился из его головы – и он предался опаснейшему счастью обретенной свободы. А я, как осужденный, подставивший голову под топор, начал ждать, когда произойдет неминуемое.

(Добавлю: именно в эти дни я впервые встретился с Моцартом. Он и вправду был пьян от свободы. Свободы и... любви.)

Леопольд. И уже вскоре я начал получать от него восторженные письма. Опять слишком восторженные: «Город полон сейчас цветов и музыки. Ночные серенады здесь так же часты, как в Италии. И в поздний час распахиваются окна, и горожане аплодируют ночным певцам. В

то время как наш гнусный Зальцбург храпит!» Далее он писал мне, что получил заказ на оперу. Либретто оперы меня насторожило. Точнее, страстное изложение этого либретто: некий дворянин и его слуга освобождают из гарема когда-то похищенную невесту дворянина... И затем шло почти стихотворение о силе любви дворянина к этой невесте. Невесту звали Констанца... И уже вскоре мне пришлось понять, откуда это имя.

(Все было именно так. В это время Моцарт часто приходил ко мне. И однажды сообщил новость: он поселился в доме своих старых друзей Веберов. Тех самых Веберов! Злосчастная Алоизия к тому времени уже вышла замуж. Я знаком с ее мужем... Господин Ланге – отличный певец... Вместе с ним сия красавица пела теперь в Вене. Ее мать и три незамужних сестры тоже приехали в Вену. Стесненное положение заставило их сдавать комнаты. Моцарт рассказал мне, что госпожа Вебер предложила ему просторную и светлую комнату. И отличный стол. Что для него особенно важно, ибо его желудок весьма чувствителен к плохой еде, и он страшится отравиться в наших мерзких трактирах. Веберы избавили его от всех житейских забот. Он сказал мне: «Я привык жить в семье. У Веберов я вновь почувствовал себя в отчем доме.» Его дом носил премилое название: «Петр в Оке Божьем». Он записал мне свой адрес. Эта запись его рукой до сих пор хранится в моем столе.)

Леопольд. Вы можете представить, что я пережил, когда узнал: проклятая Веберша опять заполучила его в свой дом! Он чувствовал мою печаль и решил успокоить – сообщил, что Алоизия вышла замуж... Но я-то знал: там еще три сестры! Три незамужних сестры, хитрющая мать и мой пылкий сын в одном доме!!! И скоро, скоро я получил весть: «Наилучший из отцов. Спешу тебе рассказать о Констанце. Она моложе Алоизии. Это милая, добрая, чудесная девушка...» О, Боже!

«Она совсем не похожа на свою мать, которая груба и весьма склонна к горячительным напиткам...» Это он, конечно, писал для меня! Он знал, как я не люблю гнусную Вебершу... «Сейчас я заканчиваю оперу и придумал для нее отличное название – “Похищение из сераля”».

... Я – прямо тотчас понял: этот восторженный безумец уже задумал «Похищение из Ока». Он так и не понял: похищали его самого! Я потребовал, чтобы он сменил квартиру. Я написал, что уже идут сплетни и т. д. Он мне испуганно ответил: «Наилучший из отцов! Я давно уже намеревался снять другую квартиру. Из-за этих людских сплетен, в которых нет ни слова правды. Дескать, коли я квартирую у госпожи Вебер, то непременно женюсь на ее дочери! Какая глупость! Именно теперь я более, чем когда-либо, далек от этой мысли... Бог дал мне талант не для того, чтобы я погубил его из-за жены и прожил бездейтельно свою молодую жизнь. Я только начинаю жизнь, я не хочу испортить ее...»

И вот прошло три месяца! Всего три месяца, и я получил от него: «Мое стремление сейчас состоит в том, чтобы получать небольшое, но постоянное вознаграждение... а потом жениться!» Жениться!!

«Вы приходите в ужас от этой мысли, но прошу, наилучший из отцов, выслушать меня. Природа говорит во мне столь же громко, как и в любом другом... и даже громче, чем в каком-нибудь здоровом олухе!..» Уж это мы знали давно!.. «Но мне невозможно жить, как живет большинство нынешних молодых людей. Во-первых, я слишком религиозен. Во-вторых, слишком люблю ближнего своего и слишком честен по убеждениям, чтобы смог обмануть невинную девушку. И в-третьих, слишком люблю свое здоровье, чтобы иметь дело с потаскухами. Оттого могу поклясться вам, что еще ни с одной женщиной не имел дел такого рода. В этом могу поклясться жизнью. Я не вижу для себя ничего более необходимого, чем жена. Холостой человек живет только наполовину... И вообще мой темперамент больше располагает к спокойной домашней жизни».

И так далее... Это бесконечное письмо!.. Теперь вы знаете, добрейший барон, все, что произошло в нашей несчастной семье... Мальчик столь уважает вас: может быть, вы объясните ему всю пагубность этого брака?

Из дневника. 1781–1782 годы

Видимо, старому Моцарту придется примириться с неизбежным. По возвращении в Вену я узнал, что мадам Вебер проводит интригу очаровательно точно. Она постаралась сделать так, чтобы вся Вена узнала: наш маленький Моцарт влюблен в Констанцу. Вчера этот наивный ребенок в отчаянии прибежал ко мне.

Передаю наш разговор целиком.

Моцарт. Я отниму совсем немного вашего драгоценного времени, барон. Я в отчаянии. Госпожа Вебер объявила мне, что по городу идут ужасные сплетни. И опекун ее дочерей господин Торварт категорически против, чтобы я далее проживал в их доме.

Я. И что же вы решили?

Моцарт. Я сказал, что люблю ее дочь. И как только получу минимальное, но постоянное обеспечение, немедленно женюсь на Констанце. Но господин Торварт не верит, он считает, что я могу бросить Констанцу и несчастная девушка останется скомпрометированной.

Я. И что же предложила госпожа Вебер?

Моцарт. Чтобы я немедленно объяснился с господином Торвартом. Господин Торварт весьма уважает вас, барон. Я прошу заверить его, что я порядочный человек...

Я. Милый Моцарт. Я уверен, что и без моего вмешательства все обойдется благополучно. По-моему, вам попросту предложат подписать бумагу, где вы обязуетесь жениться...

Моцарт. Да я подпишу тысячу таких бумаг!.. И вы думаете, тогда все обойдется?

Из дневника. 1781–1782 годы

Сегодня он опять был у меня! И опять разговор наш был столь краткий, что доверяю его бумаге целиком.

Моцарт. Вы были правы, дорогой барон! Все обошлось! Я написал официальное заявление, где обязался в трехгодичный срок вступить в брак с мадемуазель Констанцией Вебер.

(Представляю лицо «наилучшего из отцов», когда он получит сие известие.)

Моцарт. Но что сделала чудесная девушка? Когда опекун ушел, она взяла у матери обязательство и сказала мне: «Дорогой Моцарт! Мне не нужно от вас никаких письменных обязательств, я и так верю вашим словам». И разорвала бумагу! Этот поступок сделал для меня еще дороже мою любимую!

(Браво, госпожа Вебер! Замечу: эта семья всегда жила рядом с театром. Да, старая Веберша сумела поставить спектакль.)

Из дневника. 1781–1782 годы

Я все больше сближаюсь с Моцартом. Сейчас он в большой моде. Все знаменитые дома Вены зовут его с концертами. Вчера я пришел в театр на последнюю репетицию его оперы «Похищение из сераля».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.